

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ИХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ДОГОВОРНЫХ И ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)

Рассматриваются спорные вопросы теории и практики регламентации договорных и деликтных обязательств с участием несовершеннолетних и их законных представителей. Содержатся рекомендации по совершенствованию законодательства об ответственности законных представителей за вред, причиненный малолетними и несовершеннолетними лицами. Сделан вывод о целесообразности замены института субсидиарной ответственности законных представителей за вред, причиненный несовершеннолетними, институтом долевой ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетние; малолетние; законные представители; обязанности; сделки; вред; надзор; воспитание; ответственность.

Введение. В соответствии со ст. 64 Конституции РФ права и обязанности человека и гражданина в их совокупности составляют правовой статус личности в РФ [1]. Таким образом, неотъемлемой частью гражданско-правового статуса любого гражданина, проживающего в РФ, в том числе несовершеннолетних лиц, являются не только их права, в том числе гражданские, но также их гражданско-правовые обязанности. Это суждение основано на положении, содержащемся в ст. 60 Конституции РФ, согласно которому гражданин РФ самостоятельно осуществляет свои права и обязанности в полном объеме с 18 лет. Следовательно, частично он может осуществлять их ранее этого возраста.

Среди многих граждан современной России, как несовершеннолетних, так и взрослых, включая некоторых специалистов, в том числе в области права, достаточно широко распространен односторонний взгляд на правовой статус несовершеннолетних как на совокупность их прав при отсутствии обязанностей. Сторонники подобной позиции ссылаются на то, что в основном документе, в котором закрепляется правовое положение детей, т.е. в Конвенции ООН «О правах ребенка» [2. С. 164], говорится только о правах детей, но не об их обязанностях. Однако необходимо учитывать, что Конвенция специально посвящена именно правам ребенка, поскольку вопрос о правах несовершеннолетних во всем мировом сообществе все еще является наиболее актуальным. Тем не менее это вовсе не означает, что Конвенция в принципе отрицает наличие у несовершеннолетних каких-либо юридических обязанностей, которые могут быть установлены и фактически устанавливаются в каждом государстве.

Что касается гражданско-правового статуса личности несовершеннолетнего, то имеются все основания определять его как совокупность гражданских прав и обязанностей. Трудности в решении целого ряда теоретических и практических вопросов, касающихся осуществления гражданских прав и исполнения гражданско-правовых обязанностей самими несовершеннолетними, обусловлены их возрастом и отсутствием достаточной социальной и психологической зрелости, что вызывает необходимость участия в их реализации взрослых лиц, чаще всего законных представителей несовершеннолетних. В свою очередь, при оценке со стороны законодателя и право-

применителей как возможностей самих несовершеннолетних, так и необходимости участия их законных представителей в реализации их гражданских прав и обязанностей, возникает значительное число достаточно сложных и спорных вопросов теоретического и практического характера, что требует их постоянного изучения, анализа и своевременной реакции на всякого рода недостатки в регулировании гражданско-правовых отношений с участием несовершеннолетних. Все сказанное свидетельствует о высокой степени актуальности данной проблемы как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В текущем десятилетии она особенно актуализировалась в связи с принятием в РФ целого ряда документов стратегического характера, направленных на развитие личности несовершеннолетних, защиту их прав и законных интересов, создание дружественного детям правосудия [3. С. 11], обеспечение правовой и финансовой грамотности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [4. С. 12].

Настоящее исследование проведено с целью выявления пробелов и противоречий в законодательстве, устойчивых тенденций правоприменительной практики по проблемам договорной и деликтной ответственности несовершеннолетних и их законных представителей, выработки практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства. В ходе исследования использованы методы системного и сравнительно-правового анализа; проведено сопоставление законов и подзаконных нормативных правовых актов, содержащихся в гражданском и семейном законодательстве.

Основываясь на достижениях в области теории гражданского права, в частности на учении о правоспособности и дееспособности граждан, с учетом действующего гражданского, семейного законодательства и правоприменительной практики, автор настоящей работы высказывает собственный, возможно, не во всем традиционный, взгляд на проблему соотношения правового положения несовершеннолетних и их законных представителей как участников договорных и деликтных обязательств, предлагает конкретные меры по совершенствованию действующего законодательства, многие из которых сформулированы впервые либо дополнительно аргументированы. Все это дает определенные основания для утверждения о

наличии в настоящей работе элементов научной новизны, о ее теоретической и практической значимости.

Основные положения. Упоминание о гражданско-правовых обязанностях граждан (физических лиц) в самом общем виде содержится в ст. 17, 18 и 21 ГК РФ, в которых сформулировано определение как гражданской правоспособности (обеспеченная гражданским законодательством способность иметь права и обязанности), так и гражданской дееспособности, которая понимается как способность самостоятельно, собственными действиями приобретать для себя и осуществлять права, а также принимать на себя и нести (исполнять) гражданско-правовые обязанности [5]. Общее понятие гражданской правосубъектности целиком и полностью распространяется и на несовершеннолетних. Следовательно, гражданское законодательство, в отличие от семейного, не дает никакого повода и никаких оснований полагать, что несовершеннолетние граждане в РФ вообще не несут никаких обязанностей. К ним относятся, в частности, всякого рода гражданско-правовые обязательства с участием несовершеннолетних. Речь идет, во-первых, об участии несовершеннолетних в обязательствах, возникающих из гражданско-правовых сделок, преимущественно из договоров, во-вторых, об их участии в обязательствах по возмещению вреда, причиненного ими здоровью или имуществу других лиц. Разумеется, можно говорить об обязанностях несовершеннолетних лиц как обладателей интеллектуальных, в том числе исключительных, прав на результаты творческой деятельности, об их обязанностях как наследников, однако в данной работе эти аспекты их гражданско-правового положения не рассматриваются.

Поскольку несовершеннолетние могут быть с точки зрения гражданского права обязанными лицами, то закономерно возникает достаточно интересный и более сложный в теоретическом и практическом отношении, чем это может показаться на первый взгляд, вопрос: чьи обязанности выполняют законные представители малолетних и несовершеннолетних лиц при участии в сделках вместо несовершеннолетних или наряду с ними: собственные, т.е. родительские или опекуно-попечительские, или обязанности соответственно малолетних и несовершеннолетних? Рассмотрим эти вопросы более детально, насколько позволяют рамки настоящей статьи.

Как верно подметила М.А. Хватова, правоспособность всегда нуждается в дееспособности, так как лицо, принявшее на себя определенные обязанности, само же и будет их исполнять; в этом и заключается неразрывная связь гражданской правоспособности и дееспособности [6. С. 62]. Однако это вовсе не означает, что гражданско-правовые обязанности не могут возникнуть у недееспособного или у не полностью дееспособного гражданина. Исходя из универсального характера гражданской правоспособности физических лиц, мы с уверенностью констатируем такую возможность независимо от объема дееспособности субъекта. Но именно здесь и возникает проблема участия другого лица в гражданско-правовых обязательствах, в том числе при исполнении обязанностей. Чаще всего мы, не задумываясь, насколько это справед-

ливо, констатируем, что такими субъектами, способными восполнить недостающую дееспособность, скажем, малолетнего, являются его родители, усыновители или опекуны как его законные представители. В то же время участие в том или ином гражданско-правовом обязательстве вместо малолетнего или наряду с несовершеннолетним также взрослого лица далеко не всегда свидетельствует о том, что взрослый субъект действует именно как законный представитель несовершеннолетнего, в самом узком значении этого слова, т.е. исключительно для восполнения недостающей дееспособности малолетнего или несовершеннолетнего. Для более глубокого уяснения данного вопроса рассмотрим ряд ситуаций.

1. Ребенку 10 лет нужна школьная форма, которую он покупает вместе с кем-либо из родителей. Предположим, что у него самого имеются карманные деньги, достаточные для ее приобретения. Спрашивается, чье право реализует родитель, участвуя в приобретении формы вместе с ребенком, на чьи деньги следует купить ее?

2. Ребенок, фигурирующий в нашем примере, получил от бабушки в наследство определенное имущество, частично обремененное долгом. Кто рассчитывается с кредиторами и за счет каких средств?

3. Участвуя в драке, ребенок причинил одному из своих сверстников серьезную травму. Вопросы все те же: в качестве кого выступают в данной ситуации родители, из каких средств будет возмещен вред?

Если исходить из цели института законного представительства, назначение которого состоит в защите прав и законных интересов малолетнего или несовершеннолетнего лица, то станет ясно, что родители малолетнего ребенка действовали в качестве законных представителей только в ситуации № 2, так как обязанность наследника выплатить долг наследодателя возлагается на малолетнего, недостающую дееспособность которого восполнили родители именно как его законные представители. В принципе можно утверждать, что в таком же качестве родитель, с которым пришел в магазин ребенок, выступал в сделке по приобретению формы также в качестве его законного представителя. В таком случае, доведя ситуацию до логического конца, придется согласиться с тем, что форма куплена на деньги самого малолетнего. Вряд ли такое решение заслужит одобрения у большинства родителей, так как более социально одобряемым является выполнение родителями своих семейных обязанностей, предусмотренных ст. 60 и 80 СК РФ [7].

Однако заметим, что если бы вместо родителей в данных ситуациях выступали опекуны, включая приемных родителей и патронатных воспитателей, то в обоих случаях они выступали бы исключительно как законные представители малолетнего подопечного и оплачивали бы покупку и долг за счет средств подопечного, поскольку, как следует из смысла ст. 15 ФЗ «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ [8], опекуны и попечители не обязаны содержать своих подопечных за счет собственных средств, в отличие от родителей.

Статья 28 ГК РФ содержит перечень имущественных сделок, которые малолетний вправе совершить

самостоятельно. С точки зрения оценки роли законных представителей малолетних в таких сделках можно обойти вниманием вопрос о мелких бытовых сделках, хотя по самому этому понятию в науке ведутся достаточно активные дискуссии. Однако пристального внимания заслуживают две оставшиеся категории сделок, в особенности безвозмездные сделки, совершаемые к выгоде малолетнего. Не исключена возможность использования таких сделок недобросовестными лицами для соращения малолетних либо для шантажа их родителей, для обвинения их во взятке, которая была передана якобы путем вручения их ребенку дорогого подарка и т.п. Возникает вопрос: может ли родитель или иной законный представитель малолетнего оспорить данную сделку по причине несоответствия ее интересам малолетнего, например, в связи с совершением ее с целью, противной основам нравственности и правопорядка? Представляется, что нельзя однозначно ответить на данный вопрос, поскольку закон прямо не предоставил родителям и заменяющим их лицам права признавать недействительными сделки, совершенные малолетними и несовершеннолетними лицами в границах соответственно ст. 26 и 28 ГК РФ. Думается, что это достаточно серьезное упущение со стороны законодателя, могущее привести к весьма неблагоприятным последствиям. Поэтому целесообразно прямо предусмотреть в ст. 26 и 28 соответствующее право для родителей и иных законных представителей несовершеннолетних.

Нет полной ясности также по вопросу о праве малолетнего свободно распоряжаться денежными средствами, предоставленными ему родителями либо с согласия последних – третьими лицами. Если денежная сумма, подаренная ребенку, достаточно большая, он имеет фактическую возможность израсходовать ее лишь на совершение целого ряда мелких бытовых сделок, так как самостоятельно приобрести сколь-нибудь значительную и дорогостоящую вещь он не сможет. Поэтому было бы весьма желательно получить соответствующее разъяснение применения данной нормы от Верховного Суда РФ.

Все сказанное выше об участии в договорных обязательствах как самих малолетних, так и их законных представителей касается также несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Однако в отношении этих лиц и их законных представителей целесообразно остановиться на некоторых особенностях, характеризующих их правовое положение в договорных обязательствах. Как известно, несовершеннолетний является самостоятельным участником сделки, т.е. стороной в договоре. Предварительное или последующее согласие его законного представителя на совершение сделки направлено исключительно на защиту законных интересов подростка. Ни о какой субсидиарной ответственности законного представителя по таким сделкам речи быть не может. Однако судебная практика по данному вопросу не всегда однозначна. В свое время в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» [9. С. 16] содержалось явно ошибочное разъяснение о том, что законные представители несовер-

шеннолетних, давшие согласие на совершение несовершеннолетними лицами сделок при отсутствии у них достаточных средств, могут нести ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним [10. Ст. 1074]. Такая практика не соответствовала закону, так как в подобных случаях возникают не деликтные, а договорные обязательства. В настоящее время устойчивой является практика заключения с законным представителем несовершеннолетнего лица договора поручительства в целях обеспечения исполнения обязательства либо заключения между несовершеннолетним, его законным представителем и контрагентом трехстороннего договора, по которому несовершеннолетний обязуется принять товар, работу или услугу, а законный представитель – выплатить цену товара либо вознаграждение за работу или услугу. Такие договоры в настоящее время довольно широко распространены в сфере оказания образовательных услуг.

Недоразумения могут возникать не только между сторонами по сделкам с участием малолетних, несовершеннолетних и их законных представителей, но и между несовершеннолетним, которому предоставлено право совершать сделки самому от своего имени, хотя и с согласия законного представителя, и его законным представителем, который либо отказывается дать согласие на совершение сделки либо, напротив, совершает сделку от своего имени в интересах несовершеннолетнего, который возражает против ограничения его гражданских прав. Думается, что для разрешения спора по поводу согласия законного представителя на совершения сделки несовершеннолетний может обратиться в органы опеки или в суд, руководствуясь ст. 56 СК РФ, хотя, к сожалению, ни в СК РФ, ни в ГПК РФ нет надлежащего правового механизма, обеспечивающего реализацию права несовершеннолетнего на защиту от злоупотреблений со стороны родителей или заменяющих их лиц. Относительно судьбы сделки, совершенной законным представителем несовершеннолетнего без его согласия, закон, как представляется, дает возможность несовершеннолетнему потребовать признания ее недействительной в судебном порядке как противоречащую требованиям закона. Однако и в данном случае не вполне ясно, кто будет представлять в суде интересы несовершеннолетнего истца? Скорее всего, суд вправе привлекать к участию в таких делах органы опеки и попечительства.

Таким образом, в настоящее время нельзя сказать, что по проблемам соотношения участия в договорных обязательствах самих несовершеннолетних лиц и их законных представителей никаких сложностей не возникает. Нуждается в совершенствовании как законодательная, так и правоприменительная практика.

Что касается ситуации № 3, то в ней родители хотя и выступают в качестве законных представителей ребенка, причинившего сверстнику вред, но, что называется, «по минимуму», поскольку, защищая интересы ребенка, они защищают не в меньшей, если не в большей мере, собственные интересы. Во-первых, в силу недееспособности, а значит, не деликтоспособности ребенка на него не возлагается обязанность по возмещению причиненного вреда, за исключением особого случая, оговоренного законом [10. Ст. 1073].

Она возлагается на его родителей, но не как на законных представителей, а как на лиц, несущих самостоятельную гражданско-правовую деликтную ответственность за вред, причиненный малолетним [10. Ст. 1073]. В данном случае родители, как, впрочем, и усыновители и опекуны, совершили семейное правонарушение, повлекшее совершение их малолетним ребенком неправомерных вредоносных действий. Противоправными действиями родителей и иных воспитателей малолетних являются, в частности, безответственное отношение к его воспитанию, неосуществление за ними должного присмотра, поощрение озорства, попустительство или потворство хулиганских и иных противоправных действий, неправомерному или иному недостойному поведению, отсутствие должного внимания к малолетним и заботы о них (пп. «а» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина») [11].

В подобных случаях, как представляется, суды должны устанавливать «двойной ряд» противоправных действий, результатом которых явился причиненный вред, «двойной ряд» причинных связей и вину родителей, усыновителей или опекунов малолетних, поскольку вина самих малолетних не устанавливается. Противоправные действия лиц, обязанных осуществлять воспитание малолетних и надзор за ними, образует самостоятельное семейное правонарушение, которое находится в причинной связи с противоправными действиями несовершеннолетних, приведшими к вредным последствиям [12. С. 112]. Стоит обратить внимание на то, что в данной ситуации опекуны и попечители полностью уравниваются в правах и обязанностях по воспитанию детей с их родителями. Более того, они имеют преимущественное право на совместное проживание с ребенком, в том числе право требовать возврата ребенка от любых лиц, удерживающих его не на основании закона или не на основании судебного решения, в том числе от родителей. Поэтому в случае причинения вреда подопечным другим лицам обязанность по его возмещению возлагается прежде всего, на опекунов (попечителей) ребенка, даже если родители живы и не лишены родительских прав.

Вина родителей и других лиц, обязанных осуществлять надзор за малолетними и их воспитание, предполагается. В п. 11 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что истец не обязан доказывать вину ответчика, а лишь факт причинения вреда ответчиком или с его участием. Родители, усыновители или опекуны освобождаются от обязанности по возмещению вреда, если докажут, что вред причинен не по их вине (ст. 1073 ГК РФ, п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1) [10. Ст. 1073], что, безусловно, свидетельствует о том, что речь идет именно об их ответственности за собственные действия, а не только за действия малолетнего причинителя вреда.

Рассмотрим особенности участия в деликтных обязательствах несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет [13] и их законных представителей.

В соответствии со ст. 1074 ГК РФ эти лица сами возмещают причиненный ими вред, поскольку являются деликтоспособными. В соответствии с ч. 2 данной статьи в случае отсутствия у них достаточного дохода или имущества вред полностью или в недостающей части (субсидиарно) возмещают их родители, усыновители или попечители, если не докажут, что вред возник не по их вине. Обязанность законных представителей несовершеннолетних по возмещению вреда прекращается по достижению причинителями вреда 18 лет или при появлении у них имущества или доходов, достаточных для возмещения вреда. Таким образом, так же, как и в отношении законных представителей малолетних причинителей вреда, их вина в неосуществлении надлежащего надзора за несовершеннолетними и (или) их надлежащего воспитания предполагается. Они освобождаются от субсидиарной ответственности при отсутствии вины либо непосредственного причинителя вреда либо их сам их.

Необходимо отметить, что указанное законодательное решение в отношении ответственности законных представителей несовершеннолетних причинителей вреда уже в течение ряда десятилетий является традиционным; практически не высказывается сомнений в правильности законодательного подхода к решению данного вопроса. В то же время такое решение представляется неоправданным прежде всего с нравственных позиций. Получается, что вина родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних в создании условий для вредоносного поведения подростков путем их ненадлежащего воспитания остается без должного реагирования со стороны законодателя. Такие родители и заменяющие их лица имеют несомненные преимущества перед аналогичными воспитателями малолетних, хотя их вина может оказаться куда более тяжелой по сравнению с виной законных представителей малолетних, так как в самом опасном возрасте несовершеннолетние остались без должного внимания и заботы, без должного контроля со стороны воспитателей, что и привело к причинению ими вреда.

Более нравственно оправданным было бы применение в данном случае юридической конструкции, содержащейся в ч. 2 ст. 1079 ГК РФ. Безусловно справедливым является разложение ответственности за причиненный вред между непосредственным его причинителем и лицами, создавшими условия для его причинения.

Родители, проживающие отдельно от детей, также несут ответственность за вред, причиненный детьми, в соответствии со ст. 1073 и 1074 ГК РФ. При этом закон исходит из принципа равенства прав и обязанностей родителей по воспитанию детей, что предполагает и равную ответственность за действия ребенка. Однако нередко родитель, проживающий отдельно от ребенка, испытывает существенные затруднения в реализации своего права на общение с ним по вине другого родителя. В связи с этим возникают серьезные сомнения в справедливости возложения на него наравне с родителем, проживающим совместно с ребенком и в полной мере осуществляющим его воспитание, ответственности за вред, причиненный ребен-

ком. Во-первых, как справедливо отмечает А.М. Нечаева, в такой ситуации отдельно проживающий родитель при всем желании не может в полном объеме осуществлять свои родительские права и исполнять обязанности по воспитанию ребенка [14. С. 224–228]. Во-вторых, вред причинен ребенком именно потому, что родитель, проживающий с ним совместно, не осуществлял за ним должного надзора и не исполнял надлежащим образом обязанности по его воспитанию, вследствие чего ребенок получил одностороннее, чаще всего «женское» воспитание. Помимо того, нарушая права не только второго родителя, но и самого ребенка, родитель, проживающий вместе с ребенком, препятствовал общению ребенка с родителем, проживающим отдельно. Поэтому представляется совершенно справедливым разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда РФ, согласно которому родитель может быть освобожден от ответственности, если по вине другого родителя он был лишен возможности принимать участие в воспитании ребенка либо в силу объективных причин не мог воспитывать ребенка (например, из-за длительной болезни).

Однако думается, что данное разъяснение по существу представляет собой новую норму, которая должна быть помещена в гл. 59 ГК РФ в виде новой статьи 1075.1. Кроме того, в силу особой важности данного положения для реализации каждым из родителей права на воспитание ребенка и для соблюдения Конвенции «О правах ребенка» целесообразно дополнить ст. 66 СК РФ положением, согласно которому родитель, проживающий отдельно от ребенка, в случае причинения ребенком вреда может быть освобожден от ответственности, если будет установлено, что проживающий вместе с ребенком родитель систематически препятствовал его общению с ребенком и тем

самым лишил его возможности участвовать в его воспитании. Это было бы серьезным предупреждением тем родителям, которые злостно не подчиняются ни предписаниям органов опеки, ни решению суда и всячески препятствуют общению с ребенком второго родителя.

Заключение. Итак, выявление в процессе анализа законодательства и правоприменительной практики по проблемам участия несовершеннолетних и их законных представителей в договорных и деликтных обязательствах значительного числа сложных и спорных теоретических и практических вопросов свидетельствует, во-первых, об актуальности данной проблемы, несмотря на многочисленные исследования различных ее аспектов; во-вторых, о наличии острой необходимости и достаточно широких возможностей для дальнейшего совершенствования норм, устанавливающих гражданско-правовое положение несовершеннолетних в РФ, а также их максимально полной реализации в правоприменительной практике.

В рамках сравнительно небольшой статьи невозможно исследовать данную проблему более детально. В частности, за пределами исследования остались вопросы, касающиеся участия в договорных и деликтных обязательствах на стороне несовершеннолетних организаций, в которые они помещены под надзор и на воспитание, а также проблемы деликтной ответственности лиц, лишенных родительских прав, отстраненных от опеки или попечительства и бывших усыновителей. Это обстоятельство позволяет судить не только и не столько о недостатках проведенного исследования, сколько о его перспективности, возможности и необходимости дальнейшей разработки данной проблемы в науке гражданского и семейного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. 25 дек. № 243.
2. Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. Вступила в силу для СССР 15 ноября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. V.
3. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761 // Собрание законодательства РФ. 4 июня 2012 г. № 23. Ст. 2994.
4. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 года № 1618-Р // Собрание законодательства РФ. 29 августа 2014 г. № 35. Ст. 3811.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. От 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 51. Ст. 3301.
6. Хватова М.А. Гражданская правосубъектность физических лиц в Российской Федерации (проблемы теории и практики). М. : Юстицинформ, 2015. 339 с.
7. Семейный кодекс Российской Федерации. От 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 1 января 1996. № 1. Ст. 16.
8. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ за 28 апреля 2008 г. № 17. Ст. 1755.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 года № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 11.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. От 26 января 1996 года № 14-ФЗ (в ред. от 28 марта 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 29 января 1996 г. № 5. Ст. 410.
11. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. 5 февр. № 24.
12. Рабец А.М. Обязательство по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. М. : Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, 1998. 309 с.
13. Прокументов Л.М., Сутурин М.А. Лишение свободы в отношении несовершеннолетних в ракурсе реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4 (30). С. 22–30.
14. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2010. 712 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2017 г.

THE CORRELATION OF THE CIVIL STATUS OF MINORS AND OF THEIR LEGAL REPRESENTATIVES IN CONTRACTUAL AND TORT OBLIGATIONS (PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 241–246.

DOI: 10.17223/15617793/424/34

Anna M. Rabets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rabecjur@mail.ru

Keywords: minors; juveniles; legal representatives; duties; transactions; harm; supervision; parenting; responsibility.

The article is devoted to the topical problems of correlation of contractual and tort liability of minors, their legal representatives. The aim of the study is to identify gaps and contradictions in the legislation, sustainable trends in the law enforcement practice on the problems of the responsibility of minors and their legal representatives and to develop practical recommendations for improving the current legislation taking into account the stable trends in judicial practice. In the study methods of system and comparative legal analysis have been used; laws and by-laws of civil and family legislation have been compared. The article justifies the thesis that in contractual obligations parents, adoptive parents, guardians and trustees of minors perform the role of their legal representatives only when transactions are made at the expense of the property of minors, since only in these cases they compensate for the lack of legal capacity of the participants in the transaction. In other cases, they fulfill parental responsibilities for bringing up underage children. In tort obligations, the property liability of legal representatives of minors is due to the fact that, in fact and legally, adults are responsible for the proper upbringing of minors and supervision over them. Therefore, legal representatives are responsible for the harm inflicted by minors exclusively with their own property, even if minor harm-doers have the necessary funds. The subsidiary liability of legal representatives for harm caused by minors aged 14 to 18 follows the same logic. A judgment is made about the moral wrong of subsidiary liability of legal representatives. In the author's opinion, this liability must be shared, since if a juvenile has sufficient means to compensate for harm, parents and persons substituting them, guilty of improper supervision and upbringing of minors and creating conditions for their harmful behavior, are completely exempt from liability. The author proposes to fix in law a provision, developed by judicial practice, that provides for the possibility to release a separately living parent from compensating for harm caused by a minor or juvenile child, if the parent's inability to participate in upbringing is caused by the actions of the other parent or by other valid reasons. The explanation of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue is essentially a new norm. The author comes to a conclusion about the need to improve civil legislation regulating the participation of legal representatives of minors in both contractual and tort obligations.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993]. *Rossiyskaya gazeta*. 25 Dec. 243.
2. USSR. (1993) Konventsiya o pravakh rebenka. Odobrena General'noy assambleey OON 20 noyabrya 1989 g. Vstupila v silu dlya SSSR 15 noyabrya 1990 g. [Convention on the Rights of the Child. Approved by the UN General Assembly on November 20, 1989. Entered into force for the USSR on November 15, 1990]. *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR*. V.
3. Russian Federation. (2012) Natsional'naya strategiya deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 goda № 761 [National strategy for children for 2012–2017. Approved by Presidential Decree of June 1, 2012 no. 761]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 4 July. 23. Art. 2994.
4. Russian Federation. (2014) Kontseptsiya gosudarstvennoy semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 25 avgusta 2014 goda № 1618-R [The concept of state family policy in the Russian Federation for the period until 2025. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29 August. 35. Art. 3811.
5. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ch. I. Ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ (v red. ot 29 iyulya 2017 goda) [The Civil Code of the Russian Federation. Part I. Of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51. Art. 3301.
6. Khvatova, M.A. (2015) *Grazhdanskaya pravosub'ektnost' fizicheskikh lits v Rossiyskoy Federatsii (problemy teorii i praktiki)* [Civil legal personality of individuals in the Russian Federation (problems of theory and practice)]. Moscow: Yustitsinform.
7. Russian Federation. (1996) Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ot 29 dekabrya 1995 goda № 223-FZ (v red. ot 29 iyulya 2017 goda) [The Family Code of the Russian Federation. Of December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on July 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 01 January. 1. Art. 16.
8. Russian Federation. (2008) Federal'nyy zakon "Ob opeke i popechitel'stve" ot 24 aprelya 2008 goda № 48-FZ (v red. ot 29 iyulya 2017 goda) [Federal Law "On Guardianship and Custody" of April 24, 2008, No. 48-FZ (as amended on July 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 28 April. 17. Art. 1755.
9. Supreme Court of the Russian Federation. (1994) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29 sentyabrya 1994 goda № 7 "O praktike rassmotreniya sudami del o zashchite prav potrebiteley" [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 1994 No. 7 "On the practice of consideration by courts of cases on protection of consumers' rights"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 11.
10. Russian Federation. (1996) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ch. 2. Ot 26 yanvarya 1996 goda № 14-FZ (v red. ot 28 marta 2017 goda) [The Civil Code of the Russian Federation. Part 2. Of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on March 28, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29 January. 5. Art. 410.
11. Rossiyskaya gazeta. (2010) Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26 yanvarya 2010 goda № 1 "O primeneniі sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina" [Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2010, No. 1 "On the application by courts of civil legislation regulating relations for obligations as a result of causing harm to the life or health of a citizen"]. *Rossiyskaya gazeta*. 5 Feb. 24.
12. Rabets, A.M. (1998) *Obyazatel'stvo po vozmeshcheniyu vreda, prichinnogo zhizni i zdorov'yu* [Obligation to compensate for harm caused to life and health]. Moscow: Federal'nyy fond obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya.
13. Prozumentov, L.M. & Sutorin, M.A. (2014) Freedom deprivation of juvenile delinquent according to the realization of the conception of the penal system in the Russian Federation up to 2020. *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 4 (30). pp. 22–30. (In Russian).
14. Nechaeva, A.M. (ed.) (2010) *Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Family Code of the Russian Federation]. 3rd ed. Moscow: Izd-vo Yurayt.

Received: 01 November 2017